

Чжэнь Вэньцзюнь протянула Змеиный жетон Линби, попросив её передать его Вэй Тинсюй.

Однако Линби не приняла его:

- Это твоя заслуга, ты сама и вручи госпоже.

Опустошённая Чжэнь Вэньцзюнь не стала спорить. Она пошла, смыла с себя грязь и, волоча в крайности измученное тело, вернулась в свои покои.

Сколько именно времени она пробыла в ловушке подземных стоков, она и сама не знала. Неистовые потоки дождя без конца волокли её в неведомом направлении. В самих каналах царила кромешная, непроглядная тьма, и лишь тучи кружащей мошкары составляли её компанию.

Единственным местом, где можно было хоть ненадолго приткнуться, оставался узкий каменный уступ. Но по мере того как уровень воды стремительно поднимался, Чжэнь Вэньцзюнь лишилась даже возможности поспать: стоило ей сомкнуть глаза, как она рисковала соскользнуть с каменного выступа, рухнуть в бурлящую воду и захлебнуться до полусмерти. Она непрестанно искала выход, а из-за долгого отсутствия пищи силы стремительно покидали её. С каждым прибывающим дюймом воды времени у неё оставалось всё меньше.

И всё же у неё был шанс: если вода продолжит подниматься и если ей удастся нащупать входной люк, она сможет, используя силу прилива, выплыть прямо на поверхность. Примерное расположение нескольких стоков в Жунине она знала, однако знала она их положение лишь на улицах города, хитросплетения же подземных лабиринтов поражали воображение, а ситуация, когда не видно даже собственной вытянутой руки, лишь усложняла поиски выхода.

Времени оставалось в обрез. Ей необходимо было выбраться до того, как каналы затопит под самый свод, иначе, когда иссякнут последние силы и деваться будет некуда, её ждал лишь один исход - смерть от удушья в воде.

Глаза ничего не видели, и ей оставалось полагаться лишь на телесную память.

Крепко привязав Змеиный жетон к поясу, она бесчисленное количество раз ныряла в ледяную воду, прощупывая дорогу, и бережно запечатлевала в памяти каждый разведанный маршрут. Постепенно в её голове соткалась невидимая карта. В Жунине она обосновалась не так давно, но, к счастью, всё это время исправно выполняла поручения Ли Яньи, да к тому же имела под рукой карту, собственноручно начертанную Линь Юэ. Благодаря этому она уже успела запомнить большинство городских улиц и переулков. И пусть подземные стоки не всегда в точности повторяли наземные дороги, они обязаны были соединяться с ними, чтобы принимать воду. Стоило лишь определить своё текущее местоположение, как найти ближайший водозаборный люк становилось гораздо проще.

Это была задача нечеловеческой сложности. Даже в стоячей воде плыть столько дней подряд значило довести себя до полного изнеможения, что уж говорить о яростном, сбивающем с ног течении.

Несколько раз она была уже готова опустить руки, и силы плыть иссякли окончательно. Но стоило ей вспомнить, через какие муки и истязания прошла Вэй Тинсюй в дни своего заточения, которые были стократ ужаснее её нынешних бед, как она понимала: у неё нет никакого права сдаваться. Юная, хрупкая Вэй Тинсюй смогла всё вытерпеть и выжить, так почему же она должна пасовать?

Если вернуть Змеиный жетон, Судебное ведомство будет спасено, а это мощнейший заслон против деспотичной императорской власти Ли Цзюя. Разумеется, она прекрасно сознавала всю важность этого жетона. Если она сумеет вынести его из подземного плена и доставить по назначению, это будет означать выполнение невыполнимой миссии. Как же тогда Вэй Тинсюй отблагодарит её?

В мыслях она перебирала множество вариантов, и именно эти сладкие грёзы помогли ей собрать в кулак последние крупницы сил и надежды, чтобы наконец выбраться на поверхность. Вконец обессиленная, не способная даже пошевелить пальцем, она чудом вернулась живой, и в первое же мгновение её взору предстала картина: Вэй Тинсюй и Чжансунь У наедине в крытой галерее.

Кто сорвал розу, что была в руках у Вэй Тинсюй? Сидя в кресле, дотянуться до куста ей было бы непросто. Сяохуа бог весть почему стояла на коленях в стороне, так кто же ещё мог сорвать для неё цветок? Разумеется, Чжансунь У.

И что же в этом странного? Чжансунь У её друг детства и будущий супруг. Подумаешь, сорвал цветок... В будущем их ждут куда более близкие отношения, а возможно, что-то уже и было. Всего лишь одна роза Пайхуай... Она была символом союза между Вэй Тинсюй и настоящей, прежней Чжэнь Вэньцзюнь, и не имела никакого отношения к ней - к шпионке, принявшей чужое имя.

Чжэнь Вэньцзюнь всё для себя уяснила. С самого начала она прекрасно понимала суть их отношений, её разум оставался чист, словно зеркало.

Она понимала и логику, и расстановку сил, но вот совладать с собственным сердцем была не в силах. И больше всего её злило то, что она умудряется раздражаться из-за таких пустяков.

От голода она не могла уснуть, а глаза нестерпимо жгло. Она уже давно была тяжело больна: всё её тело горело в лихорадке, а желудок начисто вывернуло от спазмов. Та вера, что поддерживала её на протяжении всех дней в подземелье, бесследно испарилась, стоило ей переступить порог поместья Вэй, и болезнь целиком, без остатка поглотила её.

Она долго лежала в постели, и в полузабытьи до неё наконец дошло: зачем изводить саму себя? Если она не раздобудет хоть какой-то еды, она просто умрёт. Если не от болезни, то от истощения. Она и сама умела готовить пищу и заваривать целебные травы, да вот только к тому моменту, как эта здравая мысль посетила её голову, у неё уже не осталось сил даже на то, чтобы просто приподняться с кровати.

Каждый её выдох был обжигающе горячим. Казалось, сквозь рот и нос струится вовсе не воздух, а потоки раскалённого ветра. Ей чудилось, будто она заброшена в самое сердце пустыни, где под палящими лучами солнца провела уже три дня и три ночи, обратившись в иссохшую мумию. Но даже эта мумия продолжала отчаянно бороться в бреду, пытаясь отыскать хоть каплю воды и кроху еды.

И в этом бреду перед ней предстал лик матушки...

Матушка сидела на камне впереди, держа в руках большую чашу с водой. Чжэнь Вэньцзюнь чуть ли не ползком, спотыкаясь, бросилась к ней, умоляя дать напиток.

Схватив чашу, она принялась жадно, огромными глотками вливать в себя влагу, так что капли обильно оросили всё её тело. Странно, но вода оказалась на редкость невкусной, горькой и вязущей, однако истощённая долгой жаждой девушка всё равно не смогла сдержаться и

выпила очень много.

Матушка ласково просила её пить помедленнее, чтобы не захлебнуться, и, достав платок, бережно вытерла потёки у её губ.

- Матушка... - Чжэнь Вэньцзюнь с обидой и тоской прильнула к ней, и слёзы хлынули из её глаз ручьём. - Я так скучаю по тебе.

Матушка нежно гладила её по волосам, успокаивая и баюкая.

Она наконец мирно заснула.

В следующий раз она очнулась... от дикой усталости. Чжэнь Вэньцзюнь во сне держала свежезажаренную свинью и безумно её грызла. А та, судя по всему, от её укусов по-настоящему взвыла от боли и бросилась наутёк. Вэньцзюнь мёртвой хваткой вцепилась в свинью и принялась яростно, беспорядочно её кусать, одновременно пытаясь удержать. В эти укусы она вкладывала всю свою свирепость и злость. От мысли, что она рвёт плоть зубами, у неё даже разболелись челюсти, и от этого утомления она окончательно проснулась.

Открыв глаза, она поняла, что всё это было лишь наваждением: какая ещё свинья в поместье Вэй! Несчастливая девушка по-прежнему оставалась совершенно голодной.

Чжэнь Вэньцзюнь потрогала свой лоб и он всё ещё был несколько горячим, но она постоянно потела, и простуда уже значительно рассеялась.

В пустой комнате до сих пор стоял отчётливый запах лекарственных трав. Вэньцзюнь в полузабытьи, придерживая руками ноющую челюсть, принялась искать источник этого аромата. На столике возле кровати стояла пиала, на дне которой виднелись остатки вываренных снадобий.

Вчера ночью кто-то приходил поить меня лекарством? Чжэнь Вэньцзюнь внезапно что-то вспомнила и поспешно ощупала подушку, на которой действительно обнаружила тёмные пятна от пролитого отвара.

Её внезапно осенило! Неудивительно, что вода, которую принесла во сне матушка, оказалась такой противной на вкус, ведь это была огромная чаша горького лекарства! Получается, её сон частично оказался явью.

Когда до неё дошла эта мысль, Чжэнь Вэньцзюнь прошиб холодный пот. Ведь прямо сейчас у неё не на шутку ныли зубы, и она чувствовала совершенно отчётливую, острую боль, какая бывает, если со всей дури укусить что-то твёрдое.

Кто же приходил поить её лекарством прошлой ночью? Кого она так крепко обнимала и кого, приняв за свинью, яростно и неистово кусала?!

Это наверняка была Линби, - без конца успокаивала себя Чжэнь Вэньцзюнь. - Это точно была эта бедолага Линби!

- Госпожа! - именно в этот миг Линби с шумом распахнула дверь, вдребезги разбивая в прах все иллюзии Чжэнь Вэньцзюнь. - Э? А где госпожа?

Чжэнь Вэньцзюнь закрыла лицо руками.

Кто бы мог подумать, что из всех возможных вариантов судьба подкинет ей самый ужасный и катастрофический.

- А с чего это ты пришла искать... госпожу в мою комнату? - всё ещё пытаюсь ухватиться за соломинку, спросила Чжэнь Вэньцзюнь.

- Так она с самой ночи сидела здесь подле тебя, сама поила тебя лекарством. Ты ведь даже не пришла в себя, а лакала его огромными глотками, в итоге залила половину постели!

Чжэнь Вэньцзюнь:

- ...

- А потом госпожа испугалась, что если ты останешься ночью одна и твоя болезнь обострится, никто об этом и не узнает. Вот она и осталась ухаживать за тобой. Вообще-то я сама хотела дежурить, но госпожа настояла, что сделает всё лично, и просто выставила меня вон, - Линби поставила пиалу с кашей на прикроватный столик. - Неужели госпожа ушла так рано? Должно быть, у Старшей Принцессы опять возникли срочные дела, и Сяохуа увезла её. Да что с тобой такое, зачем ты лицо прячешь?

- У меня и голова трещит, и зубы ноют.

- Ты сможешь съесть кашу?

- Смогу, ещё как смогу! Давай её сюда!

Никогда ещё в жизни простая рисовая каша с зеленью не казалась ей такой божественно вкусной. Когда дно пиалы уже показалось наружу, Чжэнь Вэньцзюнь наконец оторвалась от еды и попросила Линби принести ей парочку паровых лепёшек вдогонку.

Глядя на то, как та уплетает еду, напрочь забыв о всяких приличиях, Линби невольно нахмурилась:

- Какие ещё лепёшки? Почтенный господин Сюй ясно сказал: ты много дней голодала, так что сейчас твоя еда должна быть жидкой, вроде каш. И переждать тебе ни в коем случае нельзя, иначе желудку придётся худо.

- Да я столько дней голодом морилась... а ты мне есть не даёшь! - прожевав, возмутилась Чжэнь Вэньцзюнь. - Я свой желудок получше твоего знаю! Этой крохи мне даже на один зуб не хватило! Быстрее! Я хочу лепёшек!

Стоило целебному отвару подействовать и прогнать болезнь, как у неё пробудился поистине зверский аппетит. Линби сходила на кухню и раздобыла там три лепёшки, оставшиеся от обеда. Чжэнь Вэньцзюнь смолотила их в мгновение ока и потребовала добавки. Линби принесла ещё две, и Вэньцзюнь с хрустом и чавканьем умяла и их.

- Ты... у тебя там случайно внутри нигде дыры нет? Как в тебя столько влезает? - Линби едва сдерживала желание поднять её с постели и перевернуть, чтобы осмотреть со всех сторон.

- Всё равно не наелась, ещё хочу, - Чжэнь Вэньцзюнь облизнулась, явно не собираясь останавливаться.

- Ты не боишься лопнуть?!

- Сестрица Линби... Ну человек же несколько дней маковой росинки во рту не видел, - состряпав жалобную и обиженную гримасу, Чжэнь Вэньцзюнь заставила Линби окончательно капитулировать.

- Ладно-ладно, пойду ещё поищу, не осталось ли где съестного.

- Я с тобой!

- Ты уже подняться собралась? Силы-то есть?

- Есть! Ради еды я в любой момент встану, да хоть без проблем смогу пробежаться.

Когда Вэй Тинсюй вернулась из резиденции Хуайчэнь, Сяохуа собиралась бережно снять её с повозки.

Но как только она коснулась её руки, она внезапно отдёргнулась, как будто ей было больно.

- Госпожа? - Сяохуа замерла, не смея пошевелиться.

- Пустяки, - Вэй Тинсюй слегка покрутила запястьем и приподняла руку так, чтобы служанка не задевала ушибленное место, позволяя снять себя на землю.

Прошлой ночью Вэй Тинсюй, судя по всему, совсем не выпалась: под её глазами залегли тёмные круги, а веки покраснели. Сегодня с самого утра из резиденции Хуайчэнь прислали слугу с приглашением, в котором Ли Яньи просила госпожу срочно явиться для обсуждения дел.

Когда она прибыла на место, Ли Яньи сообщила, что Судебное ведомство уже подготовило официальный указ на змеиной коже о казни девяти поколений рода Хун и передало его на ознакомление императору. В этом свитке значилось и имя Фэн Куня. Указы на змеиной коже являлись самыми важными документами Судебного ведомства и использовались, как правило, лишь при вынесении приговоров об истреблении целых семей за тягчайшие преступления. Ли Цзюю этот свиток предоставили вовсе не для принятия решения, а лишь для того, чтобы уведомить его. Обычно император, даже будучи не в силах изменить окончательный вердикт ведомства, мог использовать свои исключительные привилегии Сына Неба, чтобы временно наложить запрет на приговор и затянуть дело на полгода-год в надежде, что за это время всплывут новые улики, способные спасти людей.

- Вот только на этот раз Ли Цзюй даже не подумал затягивать время. Он совершенно спокойно и решительно начертал киноварью слово «Одобрено». Этот иероглиф не влияет напрямую на решение судебного ведомства, но он чётко выражает позицию правителя: он отказывается от этой фигуры.

- А что с Фэн Си? - больше всего Вэй Тинсюй заботила участь Императрицы. Исход для Фэн Куня был предрешён изначально, а вот дальнейшая судьба его дочери заставляла её проявить настороженность.

- А у Фэн Си действительно большое везение. - При упоминании этой женщины на лице Ли Яньи отразилось крайнее недовольство, к семье Фэн она не питала ни капли симпатии или

жалости. – Подумать только, прямо перед тем, как весь её род приговорили к плахе, она умудрилась снова забеременеть от императора. Посчитав, что её беременность - великая заслуга, Ли Цзюй направил в Судебное ведомство священный указ, в котором Сын Неба повелел вычеркнуть имя Фэн Си из этого списка. Когда евнух прибыл передавать волю правителя, глава ведомства Гуань Сюнь как раз лично допрашивал преступников.

Двери пыточных были заперты наглухо, а изнутри доносились такие истошные вопли, что они полностью заглушили голос императорского посланника. Евнух прождал довольно долго, но к нему так никто и не вышел, поэтому ему пришлось просто оставить указ на столе. Видел его потом Гуань Сюнь или нет, нам неизвестно, но Судебное ведомство так и не поторопилось убрать имя Фэн Си из списков. Тогда Ли Цзюй лично отправил своего доверенного слугу забрать свиток и собственноручно вычеркнул её имя, сохранив ей жизнь.

Вэй Тинсюй спросила:

- Неужели Фэн Си действительно понесла?

- Думаю, это правда. В Императорской академии есть мои лазутчики, лекарь лично проверял её пульс и подтвердил, что это действительно пульс беременной женщины. Впрочем, пусть Фэн Си и сохранила жизнь, титул Императрицы ей не удержать. Ли Цзюй ни за что не оставит такую женщину во главе дворца. Чтобы не давать повода для сплетен, он непременно низложит её и возведёт на престол новую Императрицу. За все эти годы Ли Цзюй одаривал своей милостью одну лишь Фэн Си, из-за чего у него до сих пор нет других наследников. И пусть саму её, скорее всего, лишат звания, её дитя Ли Цзюй обязан будет сберечь.

Вэй Тинсюй заметила:

- Стоит только низложить Императрицу, как борьба за пустующее место новой хозяйки дворца непременно поднимет очередную бурю из крови и распрей.

- Пусть устраивает свои бури, у нас есть дела поважнее, – Ли Яньи с самого утра облачилась в тренировочное платье, выглядела она так, словно только что вернулась с утренней выездки. – Цзычжо, сегодня на рассвете я ездила на охоту. Выпустила всего десять стрел, но привезла двух оленей и шесть диких зайцев. Могла бы подстрелить ещё парочку птиц, да только руки с непривычки отвыкли от лука, силы быстро иссякли. Но стоит потренироваться ещё денёк-другой, и всё придёт в норму. Моя гвардия полностью готова, мы можем выступить в любой момент.

- Вашему Высочеству не стоит спешить, давайте продвигаться вперёд строго по намеченному плану.

- Хорошо. Передай господину Вэю, что сегодня у меня нет времени заехать в ваше поместье, но в другой день я непременно нанесу ему визит.

Когда Вэй Тинсюй со своими спутниками вернулась в поместье Вэй, её взору предстала картина: Чжэнь Вэньцзюнь с аппетитом уплетала куриную ножку.

До этого момента Вэньцзюнь ела с упоением и диким восторгом, но стоило их взглядам с Вэй Тинсюй пересечься, как она тут же напустила на себя чинный вид и продолжила трапезу с крайне озабоченным и погруженным в думы лицом.

Госпожа вернулась, - Линби по резкой перемене в лице Чжэнь Вэньцзюнь сразу поняла, в чём дело, обернулась и увидела входящую Вэй Тинсюй.

- Проснулась? - Вэй Тинсюй подкатила своё кресло ближе к ней, протянула руку и нежно коснулась её лба. - Всё ещё немного горячая. Как наешься, ступай обратно в постель и отдыхай.

Стоило Вэй Тинсюй поднять руку, как широкий рукав соскользнул вниз, обнажая на её предплечье отчётливый след от зубов. Этот укус уже налился страшной синевой и багровостью, выглядя так, словно на неё напал дикий зверь.

Заметив след своего укуса, Чжэнь Вэньцзюнь тут же отвела взгляд: смотреть на это не было никаких сил от стыда. Значит, прошлой ночью той самой «жареной свиньёй», которую она так неистово преследовала и грызла в бреду, действительно была сама Вэй Тинсюй. И как только она умудрилась не проронить ни звука, когда её с таким безумием терзали зубами? Издай она хоть малейший стон, чтобы разбудить обезумевшую виновницу, рана явно не оказалась бы столь тяжёлой.

Вэй Тинсюй поняла, что та заметила увечье, и не стала ничего скрывать:

- Не знаю, что за сон тебе снился сегодня на рассвете, но ты мёртвой хваткой вцепилась в мою руку и принялась кусать. Должно быть, изголодалась до крайности. К счастью, я не особо чувствительна к боли, иначе непременно разбудила бы тебя.

В самом сердце Чжэнь Вэньцзюнь что-то дрогнуло, разливаясь внезапной сладостью, которую, впрочем, очень быстро заглушила ещё более мощная волна щемящей тоски и досады.

- Сколько она съела? - спросила Вэй Тинсюй у стоявшей рядом Линби.

Линби ответила:

- Шесть паровых лепёшек, две пиалы каши, четыре куриных ножки и целую тарелку солений. И при этом она всё ещё не наелась, так что я велела слугам зажарить и принести баранью ногу... этого-то уж точно должно хватить.

- Подумать только, съела так много? - Вэй Тинсюй нахмурилась, явно поражённая столь зверским аппетитом Чжэнь Вэньцзюнь. - Сестрица, не набивай желудок всем подряд за один раз, иначе тебе станет худо.

- Я её уже предупреждала, да только она и слушать не желает, подавай ей еду и всё тут, ничего не поделаешь.

В этот момент в залу внесли баранью ногу, с которой всё ещё брызгало шкворчащий жир. От одного её аромата у Чжэнь Вэньцзюнь потекли слюнки. Она прикинула, что этот огромный кусок мяса как раз окончательно забьёт её желудок. Однако Линби преградила ей путь к подносу и, ткнув пальцем в сторону Вэньцзюнь, строго произнесла:

- Мы ведь с тобой заранее договорились: от этой жареной баранины тебе причитается всего три кусочка, больше нельзя. Или ты и впрямь решила объесться до смерти?

Чжэнь Вэньцзюнь парировала:

- Ну да, я и говорю - три куска, съем ровно три.

- Ладно, сейчас я тебе их отрежу, - Линби взяла нож, собираясь пластовать мясо, но Вэньцзюнь ловко перехватила его из её рук.

- Три так три, вот только я не уточняла, кто именно будет их отрезать! - с этими словами она взмахнула ножом, и после трёх её молниеносных ударов массивный бараний окорок оказался ободран чуть ли не до голых костей.

Линби в ярости вскочила, хлопнув по столу, а Чжэнь Вэньцзюнь лишь торжествующе и звонко расхохоталась.

- Ах ты негодная обезьяна, вздумала меня одурачить?!

- Сама глупая, вот и винишь других в излишней сообразительности.

- Ты...

Линби подняла руку, чтобы схватить её за ухо, но Чжэнь Вэньцзюнь повернулась и увернулась как раз вовремя. Линби, привлечённая её движением, бросилась вперёд и не рассчитала силу, ударившись животом о стол, отчего она вскрикнула «айё!».

- Сестрица Линби, ты что, состарилась? То на шпагат без причины садишься, то столы сшибаешь.

Линби пришла в бешенство, ей во что бы то ни стало нужно было растерзать эту мелкую негодницу, чтобы выплеснуть злость.

Они довольно долго дурачились в комнате, так что Линби изрядно взмокла, а у Чжэнь Вэньцзюнь как раз немного растряслась пища, и в желудке освободилось приличное место для баранины. Обернувшись, она заметила, что Вэй Тинсуй аккуратно нарезает ножом большие пласты мяса на мелкие кусочки. Она делала это, не переставая мягко улыбаться, наблюдая за их с Линби потасовкой.

- Нарезанное мелкими кусочками легче есть, - Вэй Тинсуй поманила Чжэнь Вэньцзюнь рукой.
- Сестрица Вэньцзюнь, иди сюда.

Чжэнь Вэньцзюнь ничего не оставалось, кроме как подсесть к ней.

- Рассказывай не спеша, поведай нам, как тебе удалось спастись от опасности.

- Да ничего особенного, - если с Линби она была крайне оживлённой, то теперь, обращаясь к Вэй Тинсуй, её тон полностью переменялся, став вялым и безжизненным. - Просто каналы переполнились, вот я и выплыла наверх, - орудуя палочками, она с бешеной скоростью принялась запихивать мелкие кусочки баранины в рот, проглатывая их почти не прожёвывая.

Вэй Тинсуй заметила странность в её настроении, но не стала допытываться:

- Сестрица, ешь помедленнее.

- Угу, - Чжэнь Вэньцзюнь только сейчас кое-что вспомнила. - Я слышала, господин Вэй уже вернулся из императорской тюрьмы? Как он поживает?

- К счастью, сестрица сберегла Змеиный жетон, благодаря этому отец и смог выбраться живым из стен тюрьмы.

- Правда? А я слышала от сестрицы Линби, будто Се Фучэнь подкупил Цзян Вана, и его попытка выкрасть Змеиный жетон провалилась. Именно из-за этого Се Фучэнь не смог продолжить свои козни, и Судебное ведомство получило передышку. Выходит, вернула бы я этот талисман или нет, особого значения не имело.

Стоило этим словам прозвучать, как лица трёх остальных присутствующих едва заметно изменились. Чжэнь Вэньцзюнь же продолжала уплетать мясо, опустив голову, будто ничего не чувствуя.

- Сестрица винит меня за то, что я велела тебе перехватить Цзян Вана, из-за чего тебе пришлось перенести столько мучений? - мягко спросила Вэй Тинсюй.

- С чего бы мне винить тебя, такова уж моя судьба, - Чжэнь Вэньцзюнь внезапно поднялась с места. - Я наелась. Что-то голова разболелась, я пойду к себе.

На тарелке всё ещё оставалась добрая половина заботливо нарезанных кусочков баранины, но тот, ради кого их резали, уже ушёл.

В глазах Сяохуа, что всё время стояла подле них, вспыхнул скрытый гнев, а Линби застыла в неловком оцепенении. Вэй Тинсюй кусочек за кусочком переложила оставшееся мясо в маленькую пиалу и велела Линби унести обратно на кухню, чтобы добро не пропадало.

Всё ведь было так хорошо, пока она ела, и никаких забот, но стоило Вэй Тинсюй вернуться, как у неё разболелась голова, по-настоящему разболелась.

Вернувшись в комнату, Чжэнь Вэньцзюнь растянулась на постели и принялась массировать себе виски. Она прощупала чуть ли не всю голову, надавив на все возможные акупунктурные точки, но облегчение так и не пришло. Только тогда она поняла, что болит вовсе не голова, а совсем другое место.

Ужасно.

Чжэнь Вэньцзюнь лежала на кровати, не моргая уставившись в потолок. Она чувствовала, что окончательно пропала.

- Я вхожу, - послышался снаружи голос Линби. Не дождавшись от Чжэнь Вэньцзюнь возражений, она толкнула дверь.

- Ты спишь? - спросила Линби.

Чжэнь Вэньцзюнь ответила:

- Объелась так, что не уснуть.

- Ты уверена, что дело только в переедании? Что с тобой такое, с чего вдруг ты ни с того ни с сего злишься на госпожу? - Линби устроилась на ковре возле кровати и, подперев лицо руками, захолопала своими узкими фениксовыми глазами, разглядывая Чжэнь Вэньцзюнь. - Из-за того, что попала в беду и едва не рассталась с жизнью в этот раз?

Чжэнь Вэньцзюнь шевельнула своими пухлыми розовыми губами с чётко очерченной ложбинкой и промолвила:

- Разве я из тех, кто боится за свою шкуру и боится смерти?

- Неужели есть что-то, что волнует тебя сильнее вопросов жизни и смерти? - Линби шутливо ткнула её пальцем в щёку. - Ума не приложу, из-за чего ты вообще дуешься. А известно ли тебе, как госпожа провела те дни, пока ты числилась пропавшей? Три дня подряд под проливным дождём она моталась повсюду, разыскивая тебя. Даже когда подхватила простуду и её голова горела так, что на ней можно было яйца варить, она отказывалась возвращаться. Сяохуа без конца умоляла её побережь себя, из-за чего барышня даже разгневалась и наказала её. Вчера ночью, прямо перед твоим возвращением, господин Вэй только-только прибыл из тюрьмы, и всё семейство Чжансунь пришло навестить его.

Это же люди, которых она знает с самого детства, госпоже волей-неволей пришлось немного побыть с ними. Кто же мог знать, что именно в этот момент вернёшься ты, да ещё и застанешь госпожу вместе с молодым господином Чжансунем... - Линби на этих словах сделала паузу, пристально глядяваясь своими чёрными, как агат, глазами в Чжэнь Вэньцзюнь, желая подметить, как изменится её лицо при упоминании Чжансунь У.

Чжэнь Вэньцзюнь лишь недовольно поджала губы.

- Брачный союз между знатными семьями - вещь самая что ни на есть обыкновенная. Скрепляя союз узами родства через детей, две семьи становятся ещё ближе, их влияние и мощь растут, что позволяет им куда твёрже стоять на ногах в этом мире. Тебе ли этого не знать. Госпожа и так относится к нам лучше некуда, нам не нужно, да и нельзя питать к ней какие-то иные чувства. В противном случае для самой госпожи это станет лишь тяжким бременем. Вэньцзюнь, ты понимаешь меня?

Как могла Чжэнь Вэньцзюнь не знать этого? Она знала это всегда, и в её сердце таилось даже то, о чём Линби никогда в жизни и не задумывалась. Вот только совладать со своими чувствами она была не в силах. Если бы можно было по щелчку пальцев решать, из-за чего злиться, ради кого радоваться, а из-за кого сокрушаться, то чувства не были бы той силой, что заставляет человека изнывать от тоски.

Возможно, когда Се Тайхан и господин Юньмэн выбрали умную, сметливую и наделённую редким даром А-Лай на роль шпионки, чтобы та внедрилась в окружение Вэй Тинсюй и при удобном случае нанесла смертельный удар, они не так уж сильно ошиблись - А-Лай действительно обладала для этого всеми способностями. Но кое-чего они всё же не учли.

Таинственная, могущественная и ослепительно прекрасная Вэй Тинсюй обладала для юной А-Лай поистине фатальным, непреодолимым магнетизмом. Её отношение к госпоже постепенно менялось: от первоначального страха оно переросло в благоговение, а теперь в мучительную невозможность расстаться.

Всё кончено.

Она чувствовала, что всему приходит конец.

И что спасти матушку ей, скорее всего, уже никогда не удастся.

<http://bllate.org/book/17227/1721834>